

на всю землю, подчеркивает тот факт, что «наука не мыслит», считая это преимуществом, а не недостатком научного мышления. В научном космизме проблемы отрыва науки от природы не возникает, поскольку ученый-космист сознает себя частью окружающего мира и учитывает влияние вселенских сил на исследуемые процессы.

Многие идеи космизма перекликаются с основными понятиями философских размышлений Хайдеггера: бытие — космос — мир, сущее — природа — земля. Сам стиль мышления, несмотря на сложности, возникающие при переводе с другого языка, представляет мироощущение и мировоззрение, близкое космическому по своей масштабности и глобализму. Подчеркиваемая русскими космистами мысль о непостижимости природно-космического бытия и необходимости осознания бережного и ответственного отношения ко всему живому, противящемуся всякому ограничению и насилию, находит близкие себе строки в работе западного мыслителя, обращающего внимание на захватническое изменение человеком окружающего мира. Но, насильственно и бездумно изменяя мир, человек забывает, что и сам он частица окружающего его сущего и, изменяя мир, он изменяет себя.

Размышления Хайдеггера, переосмысление западным философом не только самих основ мышления, но и места, позиции, занимаемых современным человеком по отношению к миру и сущему, свидетельствуют о глубинном понимании бытия, невозможном без осуществления принципа толерантности, сближающего отечественную и западную мысль.

А. В. Меньшиков,
*магистрант каф. истории философии УрГУ
(г. Екатеринбург)*

ТИПЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ

Теоретическое рассмотрение проблемы толерантности раскрывает перед нами разнообразные подходы и интерпретации как самого понятия, так и структуры толерантного отношения, а также различные мировоззренческие обоснования толерантности как регулятива нашего поведения. Тем не менее очевидно, что никакое теоретическое, мировоззренческое

кабинетное обоснование не сможет гарантировать толерантность в нашей повседневной жизни. Но терпимость, являясь второстепенной в иерархии ценностей, именно то, что делает повседневную жизнь сносной, терпимой, то минимальное условие, которое необходимо для нашего мирного сосуществования при всех наших различиях. Таким образом, практическая значимость толерантности очевидна и общепризнанна, хотя и не всегда осуществляется, но теоретическое понимание толерантности не сформировалось.

Можно выделить несколько подходов к осмыслению этого понятия в современной литературе: *легалистский* подход, рассматривающий толерантность в рамках концепции прав человека, т. е. толерантность как *поведение* индивидов, соблюдающее закрепленные законом права личности, признающее чужую *privacy*, причем гарантом такой толерантности (правосознательной) является право, нормы законодательства (то, что обеспечивает равенство субъектов, а следовательно, необходимость толерантного — равноправного — отношения друг к другу). Другой — *морально-дидактический* — подход рассматривает не только поведение, но и мотивацию, толерантность потому предстает как *добродетель*, гарантом которой является нравственность, идея блага, выраженная в авторитетных наставлениях. Третий подход — назовем его метафизическим, или мировоззренческим, — рассматривает толерантность как отношение между субъектами и исследует условия возможности этого отношения; исследует, как возможна терпимость и что может стать ее гарантом как в теоретическом, так и в практическом планах, ищет мировоззренческого обоснования толерантности. Безусловно, именно третий подход и важен для нас.

Теоретическое осмысление толерантности развивалось в либерально-гуманистическом мировоззрении, и именно либеральная концепция толерантности наиболее распространена. Тем не менее далеко не для всех сообществ, стремящихся сосуществовать мирно, быть толерантными, либеральное обоснование имеет смысл. М. Уолцер в работе «О терпимости» показал, что терпимость может быть различна в различных обществах, может различаться внутренним содержанием отношения (от индифферентизма — безразличия до дифференциализма — страсти к разнообразию), может различно относиться к объекту терпимости — как к просто иному, как

к осуждаемому иному, как к недопустимо, неприемлемо иному — чуждому. Уолцер также выделил уровни толерантного отношения — личностный и политический.

Таким образом, толерантность может быть разнообразной и, соответственно, обоснования толерантности должны быть различны, ибо, как пишет тот же Уолцер о либеральной концепции толерантности, «противоречие заключается в самой идее веротерпимости, ибо практически все религии, пользующиеся толерантностью режима, нацелены на ограничение индивидуальных свобод, являющихся, по крайней мере для либералов, основой идеи свободы как таковой». Либеральная концепция обеспечивает толерантность тем, что выделяет, «огораживает» определенную сферу невмешательства, «запретную зону» частной жизни, где лишь индивид имеет право решать. Не касаясь трактовок свободы в христианской философии, скажем лишь, что для религиозного сознания такое выделение «личного» неприемлемо, ибо для Бога прозрачен весь мир, а для религии откровения открыта Воля Бога, т. е. дан мандат на вмешательство. Либерализм вычерчивает рамки, в которых определенные различия допустимы в той мере, в какой они не препятствуют гражданской жизни, — это точка зрения секулярного государства (лишить религии с их нетолерантными тенденциями возможности эту нетолерантность реализовать практически). Тем не менее законодательно закрепленное поле невмешательства не может укрыть от моральных оценок, обсуждений, осуждений; может требовать толерантного поведения, но не может обеспечить толерантного отношения. Обоснования, опирающиеся на доводы взаимной пользы, другие функциональные основания всегда наталкиваются на вопрос «Почему я должен терпеть другого?» — особенно в форме «Почему я должен терпеть то, что я считаю неправильным, и считать эту терпимость морально справедливой?» Релятивистский подход (мы не способны судить об абсолютном благе, о принципиальной правильности) не может удовлетворить, ибо человек стремится жить осмысленно, иметь понятие о добре безотносительном, строить свою жизнь в соответствии с этой надындивидуальной перспективой, «иметь предельные основания бытия». Так что обоснования правовые, моральной философии (утилитаристские, прагматистские, деонтологические и т. п.) недостаточны, ибо ни закон, ни соображения пользы не могут дать радикальной легитимации.

Такую легитимацию, абсолютное обоснование может дать лишь религия, в какой бы форме она ни предстала (квазирелигии, гражданской религии). Современная ситуация делает проблему еще острее: столкновение, смешение, взаимопроникновение культур, этносов, религий, размывание социального, диффузия социальных индивидуальностей (групповых идентичностей). «Представим теперь, — пишет Уолцер, — что произойдет несколько поколений спустя, когда полностью отсеченные от таких (традиционных. — А. М.) связей люди будут составлять свое *я* из крошечных остатков прежних культур и религий (и вообще из всего, что только попадет под руку). Ассоциации, организуемые этими изначально и бесконечно самостоятельными индивидами, будут ненамного прочнее, чем любые временные союзы...» Так что процессы атомизации и в то же время омассовления индивидуальностей принуждают религиозные сообщества, стремящиеся к самосохранению и самовоспроизводству, воспроизведению своей культуры, своей групповой идентичности, радикально меняться: либо становиться достаточно открытыми (фактически так и происходит), либо, наоборот, предельно закрыться — стать сектой. Таким образом, секуляризация ставит религиозные сообщества перед выбором: открытость и толерантность, а значит, переосмысление базовых категорий, или замыкание в себе, превращение в секту, или естественное вымирание. Очевидно, что религиозная философия обладает богатейшим потенциалом для обоснования идеи толерантности, несмотря на то, что религиозное сообщество далеко не всегда стремится этот потенциал использовать в жизни.

Либеральная толерантность, толерантность граждан, равенство которых по отношению друг к другу обеспечивает государство, обосновываемая гуманистической идеологией прав личности, действительное обоснование может иметь лишь в рамках христианской культуры. Именно христианство с его идеей боговоплощения и понятием Бога как личности способно дать предельное основание терпимости благодаря христианской презумпции личности. Традиционно проблема различий решалась через осуждение: иное — отличное — противоположное (богопротивное) — зло. Такой подход имеет смысл, ибо Бог один, Бог открыл Свою Волю, Бог заключил завет, все иное (именно то, что может нуждаться в нашей толерантности) не заслуживает нашего благоволения. Идея боговопло-

щения и искупления радикально преобразует мироотношение из фундаменталистского в персоналистское, что выразилось в том числе и в современных течениях: экзистенциализм Ясперса, русская религиозная философия и т. п. Индивид, сохраняя связь с Богом, удерживая надиндивидуальную перспективу своей жизни, оставаясь в религиозном сообществе, считающем себя единственным посетителем истины, может воспринимать иное и отличное не в манихейском, а в христианском духе. Если либеральная толерантность гарантирована равенством граждан перед государством, то христианская толерантность гарантирована равенством творений Божиих перед Создателем. Тем не менее очевидно, что в христианстве соперничают фундаменталистская тенденция, стремящаяся нетолерантностью компенсироваться в секулярном мире массовой культуры (ведь не так просто церкви с ее древним категориальным аппаратом приспособляться к современной ситуации), и персоналистская, ищущая сообщества в Духе. Однако трактовка различия в христианском обосновании (1. неприятие различий — фундаментализм; 2. выделение пространства для различия, создание рамок, где определенные (частное дело) различия допустимы — либерализм) заключается в том, что различия опрозрачиваются, рассматриваются как кажимость, ибо это эссенциалистский подход. Абсолютное обоснование толерантности может получить только при абсолютизации различия (не просто права на индивидуальную свободу, не просто добродетель миролюбия и терпимости, но мировоззренческое признание различия как ценности, как гаранта онтологического разнообразия), что приводит к напряжению иное — неправильное.

Толерантность призвана направлять напряжение между свободой индивидов и сплоченностью групп, напряжение между повседневным поведением и самоосмыслением, поиском абсолютного основания, смысла своей жизни, напряжение между своим и иным, которое может быть чужим, чуждым, злым, напряжение своей перспективы и перспективы другого, где гарантом толерантности, т. е. равенства позиций, мирного сосуществования может быть только общий горизонт, осознание «ограниченности собственной ценности и безграничности значения того, представителем чего каждый является» (Тиллих) — человечности. Человечество должно осознать себя как целое, чтобы толерантность приобрела смысл.